

<i>Дмитро Ткач</i>	
Мотивація вступу до лав УПА: до постановки проблеми	147
<i>Андрій Сова</i>	
Актуальні питання вивчення символіки українських молодіжних організацій Галичини кінця ХІХ — першої третини ХХ ст.....	157

СИМВОЛІКА

<i>Микола Чмир</i>	
Однострій та знаки розрізнення військовиків збройних сил ЗУНР (ЗОУНР) 1918—1919 рр.....	181
<i>Віталій Манзуренко</i>	
Лицарі Срібного хреста бойової заслуги 1-го та 2-го класів	248

ІСТОРИОГРАФІЯ, ОГЛЯДИ ТА РЕЦЕНЗІЇ

<i>Роман Грицьків</i>	
Діяльність Української Повстанської Армії у висвітленні польської історіографії (період Польської народної республіки)	280
<i>Руслан Забілій</i>	
Історія на замовлення? (Іваненко В., Якунін В. ОУН і УПА у Другій світовій війні: проблеми історіографії та методології. — Дніпропетровськ: АРТ-ПРЕС, 2006. — 423 с.).....	300
<i>Василь Горинь</i>	
Нові сторінки життєпису поета-упівця. Василенко Петро («Волош» — «Гетьманець» — «Полтавець»). Мої повстанські марші. Від Полтави до Ярослава, від Дніпра по Сян. Спогади, вірші, пісні / Упоряд. М. Петренко. — Львів: Ліга-Прес, 2006. — 142 с.: фото.	309
Відомості про авторів	316

ДЖЕРЕЛА ДО ІСТОРІЇ ВИЗВОЛЬНОГО РУХУ

ОЛЕКСАНДР ІЩУК, НАТАЛІЯ НІКОЛАЄВА

ЖИТТЯ, ДІЯЛЬНІСТЬ ТА ЗАГИБЕЛЬ РЕФЕРЕНТА ПРОПАГАНДИ КАРПАТСЬКОГО КРАЙОВОГО ПРОВІДУ ОУН МИХАЙЛА ДЯЧЕНКА — ‘МАРКА БОЄСЛАВА’ В СВІТЛІ ДОКУМЕНТІВ ГАЛУЗЕВОГО ДЕРЖАВНОГО АРХІВУ СЛУЖБИ БЕЗПЕКИ УКРАЇНИ

Пропоновану статтю присвячено долі одного з найвідоміших підпільних поетів, керівника референтури пропаганди Карпатського крайового провуду ОУН Михайла Дяченка — ‘Марка Боєслава’.

Українські дослідники вже досить тривалий час вивчають біографію М. Дяченка. Найновіше дослідження про поета підготував І. Гушак. Воно було видане у Львові 2003 р.¹, в ньому розглянуто життєвий шлях М. Дяченка, його діяльність у підпіллі протягом 1944—1952 рр., а також уміщено деякі його вірші.

Кандидат філологічних наук П. Дрогомирецький підготував передмову до книжки вибраних віршів М. Дяченка, опублікованої 1995 р. Він проаналізував основні напрями творчості поета й детально висвітлив його біографію².

Окремі статті про творчість М. Дяченка з’являлись у періодичних виданнях. Зокрема, 1999 р. в журналі «Дзвін» було вміщено працю І. Роздольської³, а 2002 р в часописі «Визвольний шлях» опубліковано статтю М. Климишина⁴.

¹ Гушак І. Марко Боєслав — сурмач УПА (Серія «Подвижники національної ідеї»). — Львів, 2002. — 88 с.

² Дрогомирецький П. «Бо не рабом співав я думи вірно...» // Михайло Дяченко (Марко Боєслав). Я все віддав тобі, Україно (вибране). — Івано-Франківськ, 1995. — С. 3—14.

³ Роздольська І. На шляху державницького змагу: (Михайло Дяченко-Гомін-Марко Боєслав) // Дзвін. — 1999. — № 3-4. — С. 129—135.

⁴ Климишин М. Михайло Дяченко — Марко Боєслав — поет УПА // Визвольний шлях. — 2002. — Кн. 8. — С. 93—99.

Твори М. Дяченка неодноразово публікували за кордоном. Так, 1951 р. вийшла книжка «Непокірні слова», яка вмістила всі знані підпільні збірки поета. У 1960 р. в Туріні було надруковано книжку вибраних поезій М. Дяченка італійською мовою «Сором за боягузливе покоління», які переклав Сильвестр Татух; передмову до видання написав італійський літературознавець Армандо Капрі, який подав ґрунтовний науковий аналіз творчості українського поета. У 1968 р. в Торонто товариство колишніх вояків УПА в Америці, Канаді, Європі видало антологію української поезії «Слово і зброя» (упорядник Леонід Полтава). В ній повністю передруковано збірки М. Дяченка, опубліковані 1951 р., а також уміщено коротку біографічну довідку про поета⁵.

М. Дяченко народився 25 березня 1910 р. в с. Боднарів Станіславського повіту (тепер — Калуського р-ну Івано-Франківської обл.) в селянській родині Марії та Василя Дяченків. Він був четвертою і останньою дитиною.

Уже від раннього дитинства М. Дяченка очікували серйозні випробування. Коли Михайлові було два роки, померла його мати, а до десяти років він залишився круглим сиротою, коли батько, колишній фронтовий санітар австрійської армії, помер від тифу. Відтоді ним опікувався його брат Микола, студент-філософ, а згодом — слухач Української сільськогосподарської академії в Подєбрадах, що біля Праги. За братової підтримки Михайло вступив на навчання до Станіславської гімназії. Там він став учасником літературного гуртка й «Пласту», відкривши в собі поетичні та спортивні здібності⁶.

Микола Дяченко мав значний вплив на становлення Михайла як поета, він першим зауваживши його літературний хист.

У 1930 р. М. Дяченко закінчив навчання в гімназії та вступив на правничий факультет Львівського університету. Невдовзі він втягнувся в активну громадську діяльність і згодом став членом ОУН. 1932 р. він потрапив у поле зору польської поліції.

Громадсько-культурне та освітнє життя села Боднарів в передвоєнні роки багато чим завдячувало подвижницькій роботі братів

⁵ Дрогомирецький П. «Бо не рабом співав я думи вірно...». — С. 14.

⁶ Там само. — С. 3–4.

Дяченків. У 1930-х рр. Михайло був членом товариств «Просвіта», «Рідна школа», «Сільський господар», очолював місцеве спортивно-патріотичне товариство «Сокил», яке неодноразово здобувало перемоги на спортивних змаганнях у Станіславському повіті та у Львові. 18 червня 1939 р. М. Дяченко виступав на змаганнях сільських команд у Львові й посів друге місце в бігу на 100 м⁷.

У передвоєнний період М. Дяченко видав поетичні збірки «Іскри» (1936), «Юні дні» (1938) та «Село» (1939), прозову брошуру «Земля плаче», низка віршів з'явилась у різних періодичних виданнях Галичини. Реакція критики була різною: від палкого схвалення до повного несприйняття⁸.

У ті роки найближчим другом М. Дяченка був його гімназійний однокласник Василь Чижевський з с. Бабина-Зарічного, з яким вони багато спілкувалися. Також він товаришував з учасником «Просвіти» с. Вістова Іваном Смольським; між українськими громадськими організаціями двох сіл налагодилися тісні контакти. Окрім того, М. Дяченко багато подорожував з фотоапаратом у руках, ознайомлювався з культурно-просвітницькою роботою українських сільських осередків Станіславщини.

27 травня 1937 р. мешканці с. Боднарів, які симпатизували полякам, вчинили напад на М. Дяченка, сильно побивши його. Інформацію про цю подію подали станіславські та львівські газети, в результаті чого посол польського сейму Біляк приїхав до Боднарова, щоб з'ясувати її причини. Однак 17 червня 1937 р., невдовзі після від'їзду посла, місцева влада провела обшук у будинку Дяченків, і, заарештувавши Михайла, відправила його до станіславської в'язниці, де він пробув до вересня 1937 р.

Після виходу М. Дяченка з в'язниці польська поліція встановила за ним постійний нагляд. Проте він і надалі брав активну участь у громадському житті рідного села⁹.

Від жовтня 1938 р. М. Дяченко навчався на вищих торговельних курсах у Львові, здобуваючи економічну освіту. Навесні 1939 р. він був вдруге заарештований і просидів у станіславській в'язниці до вересня 1939 р. 18 вересня, перед вступом до Станіслава Червоної

⁷ Дрогомирецький П. «Бо не рабом співав я думи вірно...» — С. 4–5.

⁸ Там само. — С. 5.

⁹ Гушак І. Марко Бюслав — сурмач УПА. — С. 13–14.

армії, М. Дяченко втік із покинутої поляками напризволяще тюрми в рідне село, звідки, забравши найнеобхідніші речі, подався на Холмщину, рятуючись від переслідувань.

Перебуваючи на Холмщині з вересня 1939 по листопад 1941 р., поет проводив активну громадсько-просвітницьку роботу в селах Брус, Волоська Воля (Волосковоля) та містечку Влодава, де викладав історію України та рідну мову, організував драматичний гурток. У 1941 р. у Празі було опубліковано його чергову поетичну збірку «Вони прийдуть». Окрім того, він періодично бував у Кракові, де в той час базувався Провід ОУН¹⁰.

23 листопада 1941 р. М. Дяченко одружився з Марією Савчук. Саме в квартирі її батька він мешкав у с. Волоська Воля. Доля Марії склалася трагічно: через переслідування чоловіка вона змушена була переховуватись та поневірятись по чужих людях. Згодом М. Савчук виїхала на Волинь, мешкала в с. Мочулянки, а потім — у м. Дубному, одружилася вдруге. У 1952 р. її викликали на допит до місцевого відділу МГБ, під час якого повідомили про загибель Михайла Дяченка¹¹.

Наприкінці листопада 1941 р. М. Дяченко, на доручення проводу ОУН, повернувся до Галичини. У 1941—1944 рр. він з родиною перебував переважно в своєму рідному селі, керував діяльністю місцевої «Просвіти».

У 1944 р. М. Дяченко з родиною, побоюючись можливих переслідувань з боку НКВД, намагався емігрувати за кордон, але не встиг. З осені 1944 р. поет перебував на нелегальному становищі, його подальша доля була повністю пов'язана з діяльністю в ОУН та УПА.

У 1944—1947 рр. М. Дяченко входив до референтури пропаганди Станіславівського обласного, а згодом — Карпатського крайового проводів ОУН та редактором друкованих видань цього проводу. За його активної участі готувався до друку журнал «Чорний ліс» та інші підпільні видання ОУН, у яких він регулярно публікував статті та вірші.

На думку упорядників 3 і 4 томів «Літопису Української Повстанської Армії», де були опубліковані видання Карпатського крайового та Станіславівського окружного проводів ОУН, авторський

¹⁰ Дрогомирецький П. «Бо не рабом співав я думи вірно...» — С. 8.

¹¹ Гушак І. Марко Босслав — сурмач УПА. — С. 19, 52—53.

внесок Михайла Дяченка до журналу «Чорний ліс» був настільки великим, що, до певної міри, задавав тон усьому журналові¹².

За свою літературну, журналістську, пропагандистську діяльність М. Дяченко Постановою Української Головної Визвольної Ради від 28 серпня 1948 р. був нагороджений Срібним хрестом заслуги.

Від 1950 р. і до своєї смерті М. Дяченко обіймав посаду референта пропаганди Карпатського крайового проводу ОУН.

Протягом 1944—1952 рр. М. Дяченко написав чимало віршованих та прозових творів, які великими накладками друкували в підпільних типографіях ОУН; підпільники та симпатички розповсюджували їх серед населення. Зокрема, було видано 11 збірників віршів: «В хоробрий шлях», «Вітчизна кличе», «Месники», «Непокірні слова», «Три пісні», «На столі, на сіні», «Протест», «Народу», «З днів боротьби», «Хай слава звенить», «Слово і сталь» — та понад 40 статей, поем і оповідань на різноманітні теми.

У підпіллі ОУН М. Дяченко використовував псевда 'М. Б.', 'Гомін', 'Славобор', 'Б-С2', 'Б-333' та літературний псевдонім 'Марко Босслав'.

Дотепер у науковій літературі були відсутні подробиці загибелі повстанського поета. П. Дрогомирецький та І. Гушак, згадуючи про цю подію, що відбулася в лютому 1952 р., спиралися на відомості, які їм вдалось отримати від ветеранів ОУН і УПА та місцевих мешканців.

Точну інформацію про загибель Михайла Дяченка вдалось розшукати в матеріалах Галузевого державного архіву Служби безпеки України.

22 лютого 1952 р. в урочищі Хубена біля с. Дзвиняч Станіславівської (нині — Івано-Франківської) області під час планової чекістсько-військової операції з розшуку учасників українського підпілля одна з військових груп Управління МГБ у Станіславівській області вийшла на бункер з відкритим люком, з якого підпільники вели спостереження за місцевістю. Підпільники пізно помітили військовослужбовців, які підходили до бункера, і, не маючи можливості втекти, відкрили вогонь та поранили одного з солдатів. Бункер одразу ж був оточений та блокований з усіх боків. Підпільники

¹² Літопис Української Повстанської Армії. — Торонто, 1978. — Т. 3: Чорний ліс. Видання команди Станіславівського тактичного відтинку УПА, 1947—1950. — Кн. 1: 1947—1948; Там само. — Торонто, 1979. — Т. 4: Чорний ліс. Видання команди Станіславівського тактичного відтинку УПА, 1947—1950. — Кн. 2: 1948—1950.

викинули кілька гранат, спалили та порвали чимало документів, а потім, не бажаючи здаватися живими, застрелились¹³.

Із бункера було витягнуто трупи семи вбитих підпільників ОУН, у одному з них був упізнаний відомий поет Михайло Дяченко — 'Марко Боеслав'.

За даними МГБ УРСР, 22 лютого 1952 р. в бункері разом з М. Дяченком загинули:

— керівник Солотвинського районного проводу ОУН Онуфр'як Онуфрій Васильович — 'Орест' ('Деркач'), 1927 р. народження, уродженець с. Зелене Надвірнянського району Станіславівської області, підпільник від 1944 р.

— Янишевський Михайло Іванович — 'Вихор' ('Яструб', 'Мисько'), 1927 р. народження, уродженець с. Жураки Солотвинського району Станіславівської області, підпільник від 1944 р.

— Драгомерецький Михайло Федорович — 'Захар', 1930 р. народження, уродженець с. Боднарів Калуського району Станіславівської області, учасник охорони М. Дяченка.

— Фесюк Михайло Петрович — 'Чумак', 1928 р. народження, уродженець с. Жураки Солотвинського району Станіславівської області, підпільник від 1949 р.

— Свидрук Марта Іванівна — 'Марійка', 1928 р. народження, уродженка м. Надвірної Станіславівської області, сестра члена СБ Солотвинського районного проводу ОУН Свидрука Мирона Івановича — 'Вільшенка', убитого 19 лютого 1952 р.

— 'Сміливий', уродженець с. Підпечери Станіславівського району Станіславівської області, охоронець М. Дяченка.

У підпільників було вилучено 11 стволів зброї, 564 набої, 2 радіоприймачі, організаційні документи та інше майно.

Дослідник Іван Гуцак у своїй книжці про М. Дяченка висловив здогад, що той зимував разом зі ще сімома підпільниками на ім'я Михайло¹⁴. Як видно зі звіту МГБ, насправді у криївці перебувало чотири Михайли.

У бункері М. Дяченка було виявлено чимало підпільних документів: книжок, брошур, статей, інструкцій, листівок, особистих

¹³ Галузевий державний архів Служби безпеки України (далі — ГДА СБУ). — Ф. 2. — Оп. 110 (1954). — Спр. 2. — Т. 8. — Арк. 108.

¹⁴ Гуцак І. Марко Боеслав — сурмач УПА. — С. 50–51.

записів, газет тощо. Серед них особливе зацікавлення, на нашу думку, викликають його організаційні записи та щоденник. На жаль, їхніх оригіналів виявити не вдалося. У Галузевому державному архіві Служби безпеки України зберігається лише переклад уцілених фрагментів російською мовою, зроблений для відправлення до Москви керівникам МГБ СРСР. Імовірно, тексти сильно постраждали під час чекістсько-військової операції, оскільки в перекладі бракує чимало слів, які позначені трьома крапками¹⁵.

Організаційні записи М. Дяченка охоплюють події з весни по осінь 1951 р. В них відображено його організаційну роботу як керівника пропаганди Карпатського проводу ОУН та діяльність інших учасників підпілля на території Станіславівської області.

Варто детальніше проаналізувати основні теми, яких торкнувся у своїх записах М. Дяченко.

Перша частина його нотаток стосується перебування в бункері взимку 1951 р. Автор змальовує відносини підпільників, характеризує їхній побут під землею, наводить подробиці тривалої зимівлі. Чи не найцікавішим є його аналіз результатів зимової роботи, яку виконали співробітники референтури пропаганди, перебуваючи в бункері.

Через те що бункер розміщувався в Карпатах, де зима тривала довго, підпільники покинули його лише 4 травня. Поновились активні підпільні контакти. М. Дяченко як референт пропаганди Карпатського крайового проводу ОУН намагався встановити постійний зв'язок з усіма округами, переговорити з керівниками підпілля про виконану за зиму роботу та подальші перспективи.

М. Дяченко висловив у записах занепокоєння значними втратами серед керівництва підпілля ОУН. Чи не найбільше він переймався тим, що не прийшов на домовлені зустрічі провідник Карпатського крайового проводу ОУН Степан Слободян — 'Єфрем'. З'ясувати його долю М. Дяченко вже не мав можливості. У примітках до записів, які зробили співробітники МГБ в ході перекладу, зазначено, що зустрічі з провідником Карпатського крайового проводу ОУН С. Слободяном — 'Єфремом' не відбулися через те, що він був убитий у бункері біля с. Бережниця Івано-Франківської області ще 18 листопада 1950 р. під час чекістсько-військової операції.

¹⁵ ГДА СБУ. — Ф. 2. — Оп. 110 (1954). — Спр. 2. — Т. 8. — Арк. 152–164, 192–206.

Особливої уваги заслуговує та частина записів М. Дяченка, яка стосується його зустрічей з референтом СБ Карпатського крайового проводу ОУН, колишнім командиром Воєнної округи «Говерля» Миколою Твердохлібом — 'Громом'. Станом на 1951 р. більшість членів цього проводу загинула. М. Твердохліб відзначався особливою конспіративністю, він переховувався в гірських районах Станіславщини і, можливо, саме завдяки своїй пильності так довго залишався серед живих, незважаючи на те, що його від 1944 р. безперервно розшукувало обласне управління держбезпеки. М. Дяченко в нотатках зазначив, що разом із М. Твердохлібом вони встигли обговорити стан справ на території Станіславщини, узгодити плани подальшої підпільної роботи та нових зустрічей.

Однак їм не судилося більше зустрітися через загибель М. Дяченка. Що ж до М. Твердохліба, то він ще три роки переховувався у важкодоступних гірських районах Карпат із дружиною та бойовиками, проте це не врятувало його від смерті. 17 травня 1954 р. його бункер виявили та оточили співробітники Управління КГБ у Станіславській області, і він разом з дружиною покінчили життя самогубством.

М. Дяченко не оминає нагоди змалювати побут підпільників на постої в лісі, заходи безпеки, що допомагали уникати зустрічей з оперативними групами МГБ.

Особливу увагу автор записів приділив моральному стану підпільників. В тексті знаходимо чимало подробиць зі щоденного життя, пов'язаних із масовими облавами, виселенням, переслідуванням близьких людей тощо. Проте М. Дяченко вважав, що, незважаючи на дуже важкі умови, значна кількість учасників українського підпілля до кінця вірила в можливість здобути незалежність України і намагалася сумлінно виконувати свої обов'язки.

Органічно у текст розповіді вплетені особисті переживання М. Дяченка з приводу долі українського національно-визвольного руху, зокрема, після розгрому підпільників у «Чорному лісі» та успішної операції МГБ із захоплення керівників ОУН у 1951 р.

Чи не найцікавішими в щоденнику є враження М. Дяченка від навчання, яке він проводив улітку 1951 р. На той час у Карпатах зібралася доволі велика група підпільників — 25 осіб. Не зважаючи на брак харчів, вони протягом п'яти днів спілкувалися та обмінювались досвідом. Після закінчення навчання всі вони розійшлися по

різних територіях. Згодом заарештований МГБ керівник Станіславського надрайонного проводу ОУН Дмитро Найдич — 'Шварно' на допитах розповів, що на цих зборах розглядали три основні питання: про кадри, про фінанси та про проведення агітації. Крім того, він сказав, що М. Дяченко — 'Гомін' заборонив членам ОУН без дозволу вищих проводів вчиняти терористичні акти проти представників радянської влади та активу, пояснюючи це тим, що через такі дії лише посилюються операції МГБ проти ОУН.

М. Дяченко, як і більшість підпільників, був упевнений, що, незважаючи на розгром структур ОУН органами держбезпеки УРСР, тривалий спротив радянському тоталітарному режимові не був даремним. Свої нотатки про організаційну роботу він закінчив таким записом: «1951 рік — це ще одна велика перемога великої ідеї».

Другий документ — щоденник М. Дяченка — охоплює події з 27 листопада 1951 по 22 січня 1952 р. В ньому розповідається про останню зимівлю М. Дяченка та членів Солотвинського районного проводу ОУН у бункері «Чорна печера» в урочищі Хубена біля с. Дзвиняч.

Варто детальніше проаналізувати основні теми, яких торкнувся М. Дяченко.

Однією з головних тематичних ліній щоденника є роздуми про перспективи війни між країнами Заходу та СРСР. М. Дяченко вважав, що справжню свободу український народ може здобути лише у збройній боротьбі. З огляду ж на розгром основних сил підпілля, надія на продовження збройної боротьби українського народу була пов'язана лише з початком нової війни. М. Дяченко вважав, що західні країни рано чи пізно вимушені будуть оголосити війну СРСР через комуністичну загрозу. Судячи зі щоденника, його особиста позиція полягала в тому, що відтягування війни між західними країнами та СРСР не йде на користь інтересам ОУН і поневоленого українського народу.

У бункері М. Дяченко мав змогу слухати багато радіопередач. Почувши передвиборну програму одного з кандидатів у президенти США, він іронічно висловив у щоденнику недовіру його сподіванням на мирну перемогу над комуністичним СРСР — хай навіть і через 100 років. Проте, як показали подальші події, американський дипломат виявився почасти правим — СРСР розвалився 1991 р., тобто через 40 років після написання щоденника.

Чимало місця в щоденнику займають особисті враження М. Дяченка від чекістсько-військових операцій МГБ. Він сильно переживав через загибель багатьох учасників підпілля та численні арешти серед українського населення. М. Дяченко висловив думку, що великі втрати ОУН були зумовлені серйозним ставленням радянської влади до підпілля, страхом перед правотою його ідеологічних засад, зокрема, перед ідеєю створення самостійної української держави.

Також М. Дяченко намагався оцінити роботу підпілля ОУН у 1944—1952 рр. Імовірно, він усвідомлював, що його життя може невдовзі обірватись, адже шансів перемогти потужну репресивно-каральну машину МГБ у підпілля ОУН уже не було, а тому задумувався над результатами боротьби українських націоналістів за самостійність України, чесно визнаючи, що йому, як безпосередньому учасникові подій, важко дати їм об'єктивну оцінку, і сподіваючись, що це зроблять майбутні історики.

Однак свою думку про події тих буремних років М. Дяченко все ж виклав. Вона зводиться до того, що, незважаючи на важку ситуацію та низку помилок Проводу й членів ОУН, загалом була виконана гігантська, передусім національно-виховна робота, і окремі недогляди не можуть її перекреслити.

Цікавим є міркування М. Дяченка про подальшу долю його щоденника. Він сумнівався, чи хто-небудь в СРСР прочитає колись його записи та думки, але помилився в цьому передбаченні. Уцілілі уривки щоденника уважно вивчили оперативники, а їхній переклад відправили і до Києва, і до Москви — до високих посадовців МГБ УРСР та МГБ СРСР, які керували боротьбою з українським національно-визвольним рухом.

У щоденнику М. Дяченка міститься чимало інформації про побут підпільників ОУН узимку в підземному схроні. Перед очима читача постають різні життєві ситуації, як-от: зимовий потоп у бункері, щоденне приготування їжі, щоденне навчання, переслуховування радіопередач, перебіг хвороби, побут однієї жінки в товаристві шести чоловіків тощо. Яскраво автор висвітлив перепади настрою підпільників. З одного боку, він свідчить, наскільки важко було жити всімох у замкнутому приміщенні, постійно перебуваючи під загрозою облав, а з іншого — констатує, що навіть у найважчих

ситуаціях українські повстанці не втрачали почуття гумору. В кінці щоденника, описуючи події січня 1952 р., М. Дяченко з притаманною йому дотепністю зрозумував ставлення до зимівлі кожного з мешканців бункера «Чорна печера».

Не забув автор занотувати і свої особисті відчуття, враження та думки, починаючи від туги за близькими та рідними і закінчуючи розмірковуванням про те, що ж корисного може зробити він узимку в бункері.

Наведені нижче організаційні записи та щоденник М. Дяченка друкуються відповідно до оригіналу, практично без виправлень, окрім необхідних для розуміння змісту. Сподіваємось, що ці документи доповнять біографію М. Дяченка — одного з чільних керівників українського національно-визвольного руху та відомого підпільного автора.

ДОКУМЕНТИ

№ 1

Організаційні записи М. Дяченка за 1951 р.

Перевод с украинского.
1951 год.

Новый 1951 год застал меня в бункере в Карпатах. Там размещалась референтура пропаганды Краевого «провода», руководителем которой был я. Кроме меня было в нем 9 человек — «УЛАС» (убит 7.10.1951 года) — мой заместитель и сотрудник изданий Краевого отдела пропаганды, «ХРИСТЯ» — его жена, «ЯРИНА» — машинистка и боевики — «ОРЕСТ», «ТИХИЙ», «ГОРЛИС», «МАРТЫН», «СМЕЛЫЙ» и «ЗАХАР». Хотя жизнь в бункере тяжелая, но мы сумели эти тяжелые обстоятельства использовать для работы. Прежде всего мы провели довольно серьезную учебу с боевиками. Преподавателями были: я, «УЛАС» и «ХРИСТЯ». Остальное время использовал я для своих литературных произведений, популярных и пропагандистских брошюр, инструкций, образцов напоминающих писем, листовок и проекта специальной пропагандистской учебы. Вот названия этих произведений:

«Слово и сталь», сборник поэзий.

«Роман» — поэма.

«Из пут дурмана», драма.

«Наталка» — брошюра.

«Почему чувство малоценности» — статья.

«К психологии украинской толпы» — статья.

«Революционная борьба и крестьянство» — статья.

«Конспект специальной пропагандистской учёбы».

«Программа специальной пропагандистской учёбы».

«Указания по воспитательной работе кадров ОУН».

«Образцы напоминающих писем».

«К истребкам» — листовка.

«УЛАС» написал драму «Мстители идут», брошюру «Четвертый указ», два образца напоминающих писем, большую листовку «К русскому народу», «Инструкцию о работе окружной референтуры пропаганды» и отработал сборник синонимов.

Кроме этого я с «УЛАСОМ» отработал очередные издания краевого отдела пропаганды «На змину» № 9...

Все работали... «ЯРИНА» переписывала отработанный материал. «ХРИСТЯ» составляла новые мелодии, а по вечерам учила хлопцев петь. Хоть, как это может показаться странным, но даже в таких условиях сумели мы отметить три национальных праздника — «22 января», «Крут» и годовщину Шевченко. Программа этих праздников в наших условиях довольно богатая. Была сказана речь, декламации и хоровое пение.

Работа была самым лучшим нашим развлечением. Немного развлечения нам приносило и радио. Хорошего настроения хватало всегда, хотя надо признаться, блохи нас сильно допекали. Но и здесь было немало юмора. Ловля блох дала бы не одному карикатуристу много хорошего материала в его карикатурные папки.

Зима, хоть и была легкой, но затяжной. Каждый из нас так рвался к солнцу, а тут тебе, как на смех все сыпал снежок. Это портило нам немного настроение, потому что наше помещение совсем опустошалось. Правда, еще был небольшой запас овсяной крупы, но она так закислась, что нам аж лицо сводило, приходилось есть кашу кислую, как уксусная эссенция. Вот так день за днем притянулась Пасха. Но мы встретили ее очень печально. По два маленьких пряничка уже из протухлой муки и по кусочку твердого, как

волосский орех, мяса. Вот и все пасхальные деликатесы. Но это бы еще ничего. Революционеру голод, как родной брат. Наше праздничное настроение испортило отсутствие двух стрелцов. За несколько дней перед этим они пошли в село за продуктами и до сего дня не возвратились. Мы уже не считали их в живых. После полдня я выслал разведку, чтобы узнать о судьбе боевиков. Какая была радость, когда после захода солнца мы застали обоих друзей в бункере, к тому же еще с корзинами праздничных лакомств. Но этим лакомились недолго. Пропала «ЯРИНА», которая хлопцев приняла за большевиков. Хлопцы крикнули ей, что это мы, но ее уже и след пропал. Все праздники хлопцы искали «ЯРИНУ» и только после праздников нашли ее в селе.

4 мая мы оставили бункер. Был тихий весенний день. Солнце будто бы смеялось в небесах. Не так легко описать, что творилось тогда в нашей душе, когда нам после нескольких месяцев сырой подземельной тьмы засветило дорогое солнышко. Наши измученные легкие сапели как кузнечные меха. Нагруженные тяжестью мы тянулись вверх, искали летнего постоя. С большим трудом мы вылезли на высокую полонину. Можно ли словами нарисовать красоту. Художники, одолжите красок, ибо у меня не хватает слов. Солнце, солнце и зеленая свежая травка на полонине синее, как океан небо. Для кого ты, красота божья. Хоть бы насладиться тобой. Нельзя. Заметит московский хищник или его люди, а тогда целые орды перевернут каждый кустик. Перероют каждую пядь земли. Надо было быстро исчезать от человеческого ехидного глаза. Мы расположились в лесу. Снова нет солнца. Но уже свежего воздуха достаточно. Это был только временный наш постоя.

Сегодня связь. Ах, как хотелось встретиться с кем-либо после долгой зимы. Беру двух хлопцев и ухожу с ними на связь. Дорога опасна. За каждым кустиком, на каждой тропинке можно было наскочить на большевистскую засаду. Быстрые повстанческие глаза и уши ловили каждый самый тихий шорох и самое малейшее движение. Но мысль работала...

Интересно, какие новости. Все ли счастливо перезимовали. В природе так весело, а тут столько всяких неприятностей. Жестокая смерть ждет на каждом шагу.

На пункт связи дошли благополучно. Ожидать пришлось недолго. Условным стуком сообщили о себе связные. С ними пришли: майор

«СОКОЛ» — руководитель пропаганды Станиславского окружного «провода», надрайонный референт пропаганды «ЕВГЕН». Уже издали по лицу майора «СОКОЛА» видно, что он переживает что-то печальное, да, знаю. Прошлой осенью погиб его единственный любимый сын Зенко. Хотя это жестокая революционная действительность и каждый революционер стойко ее переносит, но отцовское чувство сильнее всякой жестокости. Его не удастся ни задавить, ни скрыть. От радости, что нам при такой жестокой большевистской действительности удалось встретиться, мы трижды поцеловались. Мы обменялись несколькими словами и майор «СОКОЛ» отозвал меня в сторону.

Я возвращаюсь из Черного леса — начал он взволнованно рассказывать. Там почти все руководители погибли. Окружной проводник «ДУНАЙ», Станиславский надрайонный проводник «ПАВЛО», Тлумачский надрайонный проводник «МАЯК», Станиславский надрайонный референт СБ «ЧИЖ» и «ЗЕНКО» из Тлумачского надрайона, Станиславский надрайонный пропагандист «ГРАНИТ» и «ЧАЙКА» из Тлумачского надрайона. Районные проводники: — Галичский — «МАМАЙ», Станиславский — «НАЗАР», Отынский — «КРАМАРЕНКО», Тисменицкий — «ЧЕРНОТА», районный референт пропаганды «МИРОН» из Станиславского техзвена «ЛЕСОВИК», «ОКСАНА» — Тлуматчина, около 50 боевиков нет в живых.

Что творилось в моем сердце, нетрудно отгадать.

Но подавляю страшную боль и быстро беру себя в руки. Забираю майора «СОКОЛА» и «ЕВГЕНА», на свой временный постой, вечером того же дня случайно встретился с окружным референтом СБ Станиславщины «ЖАРОМ» и надрайонным «проводником» Надворнянщины «ХМАРОЙ».

В густых кустарниках загорелся повстанческий костер и зашел искренний разговор почти до полуночи. Хотя не было недостатка в шутках, но перед глазами вставала суровая действительность. Тлумачский надрайон почти не существует, Станиславский надрайон разбит, что надо много усилий, чтобы залатать дырки. Только... район вышел благополучно. За зимний период только в одном Станиславском округе погибло около 100 человек, а что же творится в других округах.

Всю ночь я не мог свести глаза. В голове переворачивалось. Перед глазами вставали новые жертвы террора. Почти всех этих людей я знал. Какие хорошие люди. Сколько было в них горячего патриотизма, безграничной преданности, сколько революционного закала. Кем заменить их. Как тяжело все это переживать, к тому же в такие минуты. Но что же. Каждый революционер готов к тяжчайшим ударам. Для нас ничего не должно быть внезапного...

Я провел совещание с двумя членами Надворнянского надрайонного «провода» — сотником «ХМАРОЙ» — руководителем Надворнянского надрайонного «провода» и надрайонным референтом пропаганды «ЕВГЕНОМ». На совещании присутствовали еще майор «СОКОЛ», работник Краевого отдела пропаганды «БЕРЕСТ» и исполняющий обязанности окружного референта СБ «ЖАР». Три последние только прислушивались и давали свои замечания и советы.

Оба члена надрайонного «провода» сдали отчеты о своей деятельности и подробно изложили о положении на их территории, из отчета сотника «ХМАРЫ» мы узнали о состоянии кадров организации на территории и о действиях врага в зимний период. Хотя враг проводил частые массовые облавы, но успехов на этой территории больших не было...

После отчетов мы определили стиль работы для этого надрайона на летний период. Наиболее я нажимал на организацию технического пропагандистского звена с гутенберговкой. Этому вопросу я посвятил больше всего внимания потому, что все другие звенья в Станиславском округе ликвидированы. Революционное печатное слово не должно замолчать из-за отсутствия техники. Члены надрайонного «провода» обещали, что в июне гутенберговка приступит к работе. Другие пункты плана работы — это проведение в жизнь инструкции за 1950 год. Совещание продолжалось два дня.

После совещания мы ушли с другом «БЕРЕСТОМ» на встречу с сотенным «ЕФРЕМОМ». Дорога была тяжелая и опасная. Везде находились вражеские группы. В любом месте можно было наскочить на большевистскую засаду. Но как-то обошлось без столкновения с большевиками. За дорогу мы сильно устали, а встречи надо было ожидать четыре дня.

В назначенный день мы оказались на месте встречи, куда мы пришли первыми. Каждая минута казалась долгой. После длинного

зимнего перерыва так хотелось встретиться с дорогими друзьями. На встречу кроме сотника «ЕФРЕМА» должны были придти еще другие руководящие люди. Вскоре после нас пришли два повстанца — «ЧЕРНОТА» и «ГРИМ» — связные сотника «ЕФРЕМА», но сотника «ЕФРЕМА» с ними не было. Связные ничего не знали о своем руководителе, так как не зимовали с ним. «ЕФРЕМ» должен был уйти на Калушину. От связных «ЕФРЕМА» мы узнали о больших потерях в Перегинском районе.

Быстро прошел час, но никто больше не приходил. Я начал беспокоиться. Что могло случиться. Вскоре мы услышали, что кто-то идет между деревьями. Пришел командир «ГРОМ» со своими хлопцами. Он сразу оправдал свое небольшое опоздание: «Я ожидал на условленной связи сотника «ЕФРЕМА», но он не пришел». У меня сразу возникла тревожная мысль, вероятно с ним что-то плохое случилось. Сотник «ЕФРЕМ» был очень пунктуален. Поэтому сейчас его отсутствие на связи не обещает мне ничего хорошего.

С командиром «ГРОМОМ» мы обусловили некоторые дела и решили встретиться второй раз на этом же самом месте. Может быть в следующий раз сотник «ЕФРЕМ» придет. После трехчасового совещания мы разошлись.

Опечаленный я возвратился на свой постой. Вот уже второй удар в этом году. Несколько человек, которые должны были придти на совещание, не пришли. Что же случилось с ними. А в голове стучала упрямая мысль — они не живы. Как плохо начинается весенний сезон нашей революционной работы. А какие печальные известия еще придут из других территорий. В таком плохом настроении возвратился я на свой постой.

На постое застал всех живых и здоровых, только чувствовался недостаток продуктов. Проблема питания в Карпатах очень сложная. Карпатские села бедные, а переправить продукты из низинных территорий очень трудно, потому что большевики контролируют все подводы, которые везут какой-либо груз. Часто приходилось проводить дни впроголодь. Работать на постое было трудно, потому что весна была холодная, а огня нельзя было развести, так как мог заметить враг или агент из какой-либо полонины, завербованный зимой. Целыми днями приходилось дрожать от холода. Но даже и в таких условиях быстро шли дни за днями. Снова подошло время встречи с сотником «ЕФРЕМОМ».

Со связными и двумя боевиками я тронулся в путь. Дорога была опасней, чем в предыдущий раз. Большевистские боевики просто роились. Надо было быть очень осторожным, обходить все главные дороги и тропинки, чтобы не встретиться с большевиками. Возле тропинок встречались свежие большевистские следы, окурки и порванные газеты. Хотя большевики маскировали всякие свои следы, но от повстанческого глаза не так легко скрыть. Но бог помог избежать встречи.

На этой встрече сотника «ЕФРЕМА» также не было. Пришел только командир «ГРОМ». Теперь уже убедились, что сотника «ЕФРЕМА» нет в живых. Мы с командиром «ГРОМОМ» наметили себе план работы на ближайшее время. Я должен был как можно скорее установить связь с восточными округами, а он должен был связаться с западными округами и найти связь с руководителями. Так, обсудив важнейшие вопросы, мы разошлись.

В пути на свой постой встретился с майором «СОКОЛОМ», которого мы наметили исполняющим обязанности руководителя пропаганды Станиславского окружного «провода». Поэтому майора «СОКОЛА» я взял на свой постой, чтобы ознакомить его с работой, которую он должен был выполнять.

На своем постое я застал сотника «ХМАРУ». Он ожидал меня...

Началась слякоть и дожди. С утра до вечера приходилось сидеть под палаткой, но и из палатки текло за воротник. Трудности с питанием продолжались. Кроме того большевики начали операции на той территории, где я базировался.

Большевики начали «прощупывать» о моем постое. В селе Быстрица (Рафайловой) постоянно находился какой-то капитан МГБ (а в конце-концов чорт его знает кто прислал эту противную птицу) и допрашивал людей. Я знал, что этот большевистский тип разрабатывает мою группу. Надо было менять постой за постоем и присматриваться, где бы можно найти новые места базирования. Остаться здесь на продолжительное время — было очень рискованно... Когда началась облава большевиков... быстро перебрались в горы и облава не затронула нас.

После облавы сотник «ХМАРА» и «ОРЕСТ» ушли из лагеря в Солотвинщину. «ОРЕСТА» я отпустил от себя и направил исполняющим обязанности Солотвинского районного «проводника». На его место ко мне пришел боевик «ПОТАП».

Пошли снова слякотные монотонные дни, тревожные и неопределенные. Большевистские боевики не переставали лазить по ногам. Каждый день и каждую минуту непрощенные гости могли «навестить» наш постой.

В начале июня я получил записку от сотника «СИРОГО», которая очень обрадовала меня, что сотник «СИРЫЙ»... Я написал записку референту СБ Коломыйского округа другу «КЛИМУ», чтобы он пришел ко мне, а если живой сотник «СИРЫЙ», то он может придти. Я с нетерпением ожидал их. Со Станиславским округом я уже имел связь. Не имел я еще связи с Буковиной. Но и туда выслал записку к окружному проводнику «НЕДОБИТОМУ», чтобы пришел ко мне на встречу. Но он на встречу не пришел. Причины, почему он все лето не приходил на встречу — неизвестны. Возможно, что «НЕДОБИТЫЙ» не получил моих записок, или сильные большевистские операции мешали ему встретиться со мной. Я ждал встречи с окружными, а тем временем перерабатывал пропагандистские инструкции... Ко мне прибыл бывший руководитель Ланчинского районного «провода» «ШВАРНО», который назначен исполняющим обязанности руководителя Станиславского надрайонного «провода» ОУН. Я ознакомил его со своими делами, которые он должен исполнять.

...Ко мне на встречу пришли организационный референт Станиславского округа «КУРЯВА» и руководитель СБ Надворнянского надрайонного «провода» ОУН «ДОВБУШ».

...Я назначил друга «КУРЯВУ» исполняющим обязанности руководителя Станиславского окружного «провода» ОУН. Сначала он немного морщился, говорил, что этот пост слишком для него труден.

На совещании 22 июня с. г. были объявлены новые назначения по Станиславскому округу. Друг «КУРЯВА» — исполняющий обязанности руководителя Станиславского окружного «провода», «ЖАР» — исполняющий обязанности референта СБ Станиславского округа. Обязанности окружного организационного референта, вместе с тем оставаясь Надворнянским надрайонным проводником, был назначен сотник «ХМАРА».

...Прибыл на встречу руководитель СБ Коломыйского окружного «провода» ОУН д. «КЛИМ»...

Надо было подыскать людей на руководящие посты. Надо было латать на все лады. Надрайонным руководителем Городенковского надрайона назначен «БОЙТУР», который был до сего времени руководителем СБ Коломыйского надрайонного «провода».

Если речь шла о самом окружном «проводе», то он должен был выглядеть следующим образом: Сотник «СИРЫЙ» — исполняющий обязанности окружного «проводника», друг «КЛИМ» референт СБ и одновременно заместитель сотника «СИРОГО», друг «ПЕРЕБЕЙНОС» — референт пропаганды, но только с тем условием, что он станет активным и серьезно возьмется за работу.

В противном случае друга «ПЕРЕБЕЙНОСА» на этом посту должен заменить нынешний «проводник» Коломыйского надрайона друг «ОЛЕГ» («КОШЕВОЙ»). Если же друг «ПЕРЕБЕЙНОС» серьезно отнесется к этой работе на своем посту, тогда друг «КОШЕВОЙ» должен остаться на своем старом посту, но назначался одновременно исполняющим обязанности организационного референта этого округа.

Обсуждение персональных дел стоило многих хлопот. Но что было в наших силах и возможностях — то сделали, много хлопот принесло нам Закарпатье, то есть тот надрайон Закарпатья, который принадлежит к Коломыйскому округу. Надрайонный «провод» Закарпатской территории — «ЖУБР» и «КАРПАТСКИЙ» («Нечай» погиб этой весной), как меня информировали, совершенно запустили организационную работу и допускали такие позорные проступки, которые совершенно пятнят честь украинского националиста. Трудно было проверить дело на месте. Поэтому я дал приказ окружному «проводу» немедленно проверить это дело и виновных притянуть к суровой ответственности, навести порядок и образцовую дисциплину на Закарпатской территории.

Некоторые общие организационные проблемы мы решили совместно, члены проводов обоих округов. Обсудив подробно все вопросы с членами «проводов» Станиславского и Коломыйского округов, 26 июня с. г. я закончил два совещания.

Немедленно после совещания я отпустил людей, чтобы скорее немедленно приступили к работе. Я видел, что каждый из них горел огнем энтузиазма.

Сотник «СИРЫЙ» привел с собой для меня стрельца «ИГОРЯ», которому я дал псевдоним «АРТЕМ». Друг «АРТЕМ» оказался

позже очень честным и образцовым повстанцем. Но долго не пробыл у меня, ибо уже 8 августа с. г. погиб геройской смертью на заставе недалеко от приселка Довжинец (приселок села Быстрица).

У меня на постое еще остался майор «СОКОЛ», с которым я дальше обсуждал вопросы пропаганды.

Должен признаться, что очень радовался, когда видел у революционера такое стремление к работе. Никто не обижался и не отказывался от работы. Каждый давал себе отчет в том, что время и условия требуют от каждого из нас героического труда и жертвования. Видя серьезные лица, я верил, что даже в таких безнадежных условиях мы сумеем работать и бороться за наши самые высокие идеалы — свободу и государство на родной земле.

После совещания я начал очень серьезно обдумывать план перенесения группы. Большевики начали проводить частые облавы в этих лесных массивах, где я базировался. Кроме того, несколько большевистских боевок не вылазило из леса и из села. На всех переходных местах, возле пастбищ и вокруг села они выставляли засады. Не было места, куда бы можно было безопасно перейти. Доставка продуктов на постой была очень затруднена. Каждый раз, когда стрелцы уходили на территорию за продуктами или разрешать другие дела, я ожидал их с тревогой — возвратятся ли они живыми на постой. На постое также в каждую минуту были наготове, ибо в любую минуту можно было ожидать непрошенных «гостей». Сильно чувствовался недостаток продуктов. Надо было жить впроголодь. Такие обстоятельства очень парализовали всякую творческую и организационную работу.

22 июля с. г. выбрались мы, я, друг «БЕРЕСТ» и майор «СОКОЛ» на учебу, запланированную в июне с. г. на совещании. На дорогу у нас ушел весь день. На следующий день пополудни мы уже были на месте занятий.

В этом организационно-пропагандистском ученье должны были принять участие все члены надрайонного провода и районных «проводов» Надворнянского надрайона. Для нынешних условий слишком много руководящих людей собралось в одном месте, но далеко в горах и хорошо законспирированное место, а также наша великая бдительность и осторожность давали нам определенную надежду на безопасность.

Еще в этот день перед вечером я произнес речь перед всеми участниками учебы и боевиками, прибывшими со своими руководителями. Всех нас подпольщиков тогда на месте собралось 25 человек. Своей речью я старался влить в их сердца новую веру в нашу победу. По выражению лиц я видел, что моя речь произвела заметное впечатление на участников подполья.

На следующий день начались нормальные занятия, которые продолжались по 9 часов ежедневно. Я читал по организационным делам, а друг «БЕРЕСТ» и майор «СОКОЛ» по пропагандистским. Учеба длилась 4 дня. На пятый день я провел небольшое расширенное совещание с членами надрайонного провода. На шестой день я проводил индивидуальные беседы по разным организационным, пропагандистским и воспитательным темам с отдельными. Учеба имела большой успех, все присутствующие были очень довольны. В общем учеба была организована хорошо, только плохо было с продуктами. На пятый и шестой день пришлось голодать, потому что не было экономии продуктов в первые дни учебы.

В понедельник 30 июля текущего года пришли к нам на обусловленное место мои связные. Они принесли невеселые вести. Количество большевистских боевок на территории моей базы еще увеличилось. Два моих связные уже несколько дней не могли пробраться на место постоя.

Без приключений мы пришли на место нового постоя. Новый постой находился очень глубоко в горах. Доставка продуктов на этот постой была еще труднее. О зимовке на этих территориях даже нечего было и думать. Я решил разделить членов группы (осередка) и перейти на новые места. Разумеется, что это не было легким делом, но другого выхода не было.

6 августа текущего года ушел от меня майор «СОКОЛ». Через него я договорился о скорой связи с командиром «ГРОМОМ». Проблема питания ставала изо дня в день труднее. Счастье, что в этом году уродились грибы, мы целые дни питаемся только грибами с брынзой, которую заготовили на зиму еще весной.

В июле текущего года нарушилась связь с Коломыйским округом. Я не знал подробности нарушения связи. Только поздно осенью случайно узнал, что оба восточные связные погибли. Никто другой... места связи не знал. На условный запасной пункт связи, о котором

знали сотник «СИРЬЙ» и друг «КЛИМ», никто из Коломыйщины не выходил.

В конце июля нарушилась связь со Станиславским округом. Тогда я также не знал причины нарушения связи с Черным лесом. Об этой причине я узнал только 16-го сентября ночью, т. е. 17 сентября под утром. Но об этом расскажу позже.

8 августа текущего года на западе недалеко от приселка Довжи-нец (приселок села Быстрица) погиб мой боевик, который в июне пришел ко мне из Коломыйщины «АРТЕМ» (раньше «ИГОРЬ»). Он был очень дисциплинирован, трудолюбивый и конспиративный подпольщик.

Обстановка возле меня становилась с каждым разом все хуже. Большевики почти наступали на пятки. Кроме боевок, 20 августа с. г. захали в село Быстрица около 2000 большевиков. Они говорили, что испытывают мины. А в действительности они с помощью магнитных приборов искали повстанческие бункера. Не было другого выхода, надо было, как можно быстрее оставить находящуюся под угрозой территорию Карпат.

21 августа текущего года я вместе со своей группой (осередком) оставил прежнюю базу и вместе с северными связными мы направились на север, дорога была очень опасна и трудная. В нашей группе было двое пожилых людей — «ХРИСТЯ» и «БЕРЕСТ», а у меня больная нога. Кроме того каждый боевик был нагружен довольно тяжелым грузом. Надо было идти очень осторожно и только ночью. Каждый, кто знает горы, понимает, как выглядит ночное путешествие в горах — идешь куда попало. Хорошими дорогами нельзя было идти, ибо в любую минуту можно было встретиться с большевиками. Если бы не повстанческая закалка и выносливость, то не раз бы пришлось плакать. Но твердый повстанец умеет преодолеть все трудности и невзгоды. Также эти трудности мы благополучно преодолели. По дороге я встретился с командиром «ГРОМОМ». Перед зимой мы обсудили все важнейшие организационные вопросы.

Почти месяц времени я потерял, ожидая связи с Черным лесом. Я беспокоился, нервничал, а известий не было. Я выслал нескольких повстанцев, чтобы через гражданских лиц установить связь с Черным лесом. Но они возвратились без результатов.

16 сентября текущего года я вышел уже с меньшей группой на связь. Нескольких людей своей референтуры я прикрепил на зиму к другим группам, зная, что с большим количеством людей я не смогу на новом месте подготовиться к зиме. Поскольку было два места связи, я одних связных послал на старый, а с другими пошел на новое место связи. Но связи надо было еще ожидать. При том неизвестно было на какую связь выйдут связные из верного леса. На самое место связи я не пошел, а выслал трех повстанцев. Сам с несколькими повстанцами пошел в лес на отдых, так как был сильно измучен дорогой.

Через два часа прибежали взволнованные повстанцы и принесли очень печальную новость. В Черном лесу уже нет ни одного повстанца. Большевики вышли на организационную связь с помощью провокаторов из наших рядов «БАЙДЕНКО», «...», «ГРУБОГО», «ИГОРЯ» и других, поймали живыми «КУРЯВУ», «ДОВБУША», «ХМАРУ», «СТЕПАНА», «ДУБА» и других руководящих членов организации, а остальных ликвидировали. Из руководящих членов ОУН погибли: «ЖАР», «ВОРОН», «ОСТАП», «ЗАЯЦ» и «ГРИМ». Об этом сообщил нам «ШВАРНО», который на встрече с моими людьми только что бежал из большевистских рук. Последний рассказал, что большевики хотят любой ценой поймать вас живым, то есть меня. «ШВАРНО» бежал с «ЗУБОМ» в горы, с ним бежали еще три повстанца.

Это известие поразило меня, как громом. В первую минуту я не знал, что со мной делается. Мне казалось, что это какой-то кошмарный сон. Но это была жестокая действительность. Я быстро пришел в себя. Надо было быстро уйти из этого опасного места и на что-то решаться. Мы надеялись, что на следующий день на этих местах будут вести поиски большевики, но их не было.

Возле меня тогда было 16 повстанцев. Я заметил, что это известие произвело на них очень неприятное впечатление. Все они чувствовали себя, как... В двух надрайонах Станиславском и Тлумачском не было уже ни одного человека. Только в Надворнянском надрайоне были еще не нарушены большевистской провокацией два района — Солотвинский и Надворнянский. Правда, о Надворнянском надрайоне мы еще ничего определенного не знали. Я чувствовал, что глаза и надежды всех были обращены на меня.

Но хотя у меня у самого страшно жгло и клокотало в сердце, а мысли в голове бились как сумашедшие, я овладел собой и сказал повстанцам:

Друзья! Страшное известие потрясло всех нас. Враг нанес нашей организации серьезный удар. Но это не должно ни на один миг дезорганизовать нашу повстанческую душу...

На носу была зима, а зимовать было негде. У меня не было и одного человека, с кем бы я мог посоветоваться, что и как делать в этот момент. Везде связи были нарушены и надо было решать самому. В первую очередь надо было сообщить соседним округам, районам и командиру «ГРОМУ» о вражеской провокации. Враг имел в своих руках... предателей-провокаторов и дальше проникал внутрь организации. Рискаю людьми, но благополучно удалось предостеречь соседние округа — Калушский и Коломыйский и соседние районы — Надворнянский, Яремчанский и командира «ГРОМА» о новом коварстве врага.

Проверить «ШВАРНО», как он бежал от большевиков было невозможно, трудно было установить действительно ли «ШВАРНО» бежал или это только какой-то новый трюк МГБ. Удалось только допросить «ШВАРНО». Будущее покажет, искренний ли он или это только легенда.

1951 год — это один из самых тяжелых годов истории организации. Кремлевские варвары применили против украинского революционно-освободительного движения все, что могли. Они бросили полчища внутренних войск МГБ, враг наводнил территорию оперативными боевыми частями, довел свою агентуру до больших размеров и террором заставил ее действовать, дикими способами терроризировали украинское население, пытались создать прорыв между украинским населением и украинскими революционерами, применяли подлейшее коварство, чтобы добиться своей цели — ликвидировать организацию...

На территории Надворнянского надрайона в сентябре, октябре и ноябре текущего года постоянно проходили огромные облавы. Большевистские боевики не выходили из лесов и сел. Во время одной из облав один большевик ходил по моему бункеру, но бог отвернул его глаза и он бункера не нашел.

17 ноября 1951 года большевики окружили 8 повстанцев, но они героически прорвались через оцепление врага, потеряв на поле славы только одного повстанца кущевского «ГОЛУБА».

1951 год — это еще одна великая победа великой идеи.

Январь 1952 г.

ОПЕРУПОЛН[ОМОЧЕННЫЙ] ОТДЕЛА 2-Н УМГБ
С[ТАНИСЛАВСКОЙ] О[БЛАСТИ]
ЛЕЙТЕНАНТ —

(БЕЗДЕТКО)

СПРАВКА: Перевод произведен из обрывков документа, принадлежавшего руководителю пропаганды Карпатского Краевого «провода» ОУН «ГОМИНУ», ликвидированного 22 февраля 1952 года в бункере, расположенном в лесу урочище Хубены, Солотвинского района.

«ЯРИНА» — ШВЕДЮК Калина — машинистка Краевого «провода» ОУН.

«ХРИСТЯ» — КОГУТ Анна Владимировна — жена ликвидированного в октябре 1951 года зам. руководителя пропаганды Краевого «провода» ОУН «БЕРЕСТА».

«ГОРЛИС» — ОНУФРЯК Иван Васильевич, 1924 года рождения, участник Краевого «провода» ОУН.

«МАРТЫН» — Участник Краевого «провода» ОУН.

«СОКОЛ» — ПЕТЕР Константин Зенонович, руководитель пропаганды Станиславского окружного «провода» ОУН.

«ЕФРЕМ» — СЛОБОДЯН Степан, руководитель Краевого «провода» ОУН, убит 18.11.50 года.

«ПОТАП» — СИНЯК Дмитрий Юрьевич, участник Краевого «провода» ОУН.

«СИРЫЙ» — КУЛИК Иван Дмитриевич, 1919 года рождения, руководитель Коломыйского окружного «провода» ОУН, убит 2 ноября 1951 года.

«КЛИМ» — ТУЧАК Роман Степанович, 1921 года рождения, уроженец Городенковского района, руководитель СБ Коломыйского окружного «провода» ОУН. Находится на нелегальном положении.

«НЕДОБИТЫЙ» — МАТВЕЕВ Николай Юльянович, 1914 года рождения, организационный руководитель Буковинского окружного «провода» ОУН. Находится на нелегальном положении.

«ШВАРНО» — НАЙДИЧ Дмитрий Васильевич, 1921 года рождения, руководитель Станиславского надрайонного «провода» ОУН. Захвачен 6 августа 1951 года. В сентябре 1951 г. при проведении чекистско-войсковой операции бежал и снова перешел на нелегальное положение. 3 января 1952 года убит.

«БОЙТУР» — руководитель Городенковского надрайонного «провода» ОУН. Убит 21 ноября 1951 года.

«ПЕРЕБЕЙНОС» — ДАНИЛЮК Назар. Руководитель пропаганды Коломыйского окружного «провода» ОУН. Убит 31 октября 1951 года.

«КОШЕВОЙ» — руководитель Коломыйского надрайонного «провода» ОУН, убит 30 сентября 1951 года.

«БАЙДЕНКО» — КОЗАКЕВИЧ Михаил Матвеевич, руководитель пропаганды Станиславского окружного «провода» ОУН. Захвачен живым 10.2.51 года.

«ГРУБЫЙ» — ЯЩУК Иван Николаевич, 1918 года рождения, руководитель СБ Богородчанского районного «провода» ОУН. 24 июля 1951 года был захвачен живым. В сентябре 1951 года при проведении чекистско-войсковой операции бежал и снова перешел на нелегальное положение. 3 января 1952 года убит.

«ИГОРЬ» — ГРИНОВЕЦКИЙ Михаил Андреевич, 1911 года рождения, уроженец Отынийского района, руководитель Отынийского районного «провода» ОУН. Захвачен 15.4.51 года.

«КУРЯВА» — ИВАНИШИН Петр Михайлович, 1923 года рождения, руководитель Станиславского окружного «провода» ОУН. Захвачен 19 августа 1951 года.

«ДОВБУШ» — ГРИНИЩАК Лука Михайлович, 1918 года рождения, руководитель СБ Надворнянского надрайонного «провода» ОУН, захвачен 15 сентября 1951 года. 3 января 1952 года при проведении чекистско-войсковой операции бежал и снова перешел на нелегальное положение.

«ХМАРА» — МЕЛЬНИК Петр Васильевич, организационный руководитель Станиславского окружного «провода» ОУН и руководитель Надворнянского надрайонного «провода». Захвачен 15 августа 1951 года.

«СТЕПАН» — КАПУЩАК Николай Алексеевич, 1919 года рождения, руководитель пропаганды Станиславского надрайонного «провода» ОУН. Захвачен 30.8.51 года.

«ДУБ» — ВАДЮК Антон Васильевич, руководитель Яремчанского районного «провода» ОУН. Захвачен 15 сентября 1951 года.

«ЧИЖ» — САВЧУК Михаил Дмитриевич, 1923 года рождения, руководитель СБ Станиславского надрайонного «провода» ОУН. Убит 13.2.51 года.

«ЖАР» — ГАВРИЛЮК Степан Данилович, 1918 года рождения, руководитель СБ Станиславского окружного «провода» ОУН. Убит 19 августа 1951 года.

«ВОРОН» — СЕНЧАК Василий Степанович, 1923 года рождения, руководитель Станиславского надрайонного «провода» ОУН. Убит 19 августа 1951 года.

«ОСТАП» — МЕЛЬНИЧУК Василий Дмитриевич, 1918 года рождения, следователь СБ Станиславского надрайонного «провода» ОУН. Убит 24.6.51 года.

«ЗАЯЦ» — КНЯГИЦКИЙ Михаил Николаевич, руководитель Ланчинского районного «провода» ОУН, убит 15 августа 1951 года.

«ГРИМ» — ЯКОВИЩАК Михаил, руководитель СБ в Ланчинском районе, убит 15 августа 1951 года.

«ЗУБ» — РОГИВ Дмитрий 1922 года рождения, руководитель пункта связи Краевого «провода» ОУН.

«ГОЛУБЬ» — ПИЛИПЮК Павел Васильевич, 1919 года рождения, руководитель кустовой ОУН в Солотвинском районе. Убит 17 ноября 1951 года.

«ЗЕНКО» — СКРИНТОВИЧ Иван Антонович, 1921 года рождения, руководитель СБ Тлумачского надрайонного «провода» ОУН, убит 20.9.50 года.

ОПЕРУПОЛН[ОМОЧЕННЫЙ] ОТДЕЛА 2-Н УМГБ
С[ТАНИСЛАВСКОЙ] О[БЛАСТИ]
ЛЕЙТЕНАНТ —

(БЕЗДЕТКО)

29 февраля 1952 г.
гор. Станислав.

Перевод с украинского.

Д Н Е В Н И К

27 ноября 1951 года.

Серый будень в бункере. Единственным событием дня было радио, которое принесли хлопцы сегодня ночью. Но сколько я возле него не провозился, а узнал мало...

Вы торгуетесь, как перекупщики, переливаете из полного в порожнее, а тем временем честные борцы, которые помогли бы Вам задавить мерзкую кремлевскую..., гибнут в неравной борьбе с этой же... Но пусть, выключаю радио. Жаль нервов.

28 ноября 1951 года.

Жизнь в бункере не налажена нормально. Книг для чтения... не могу, ибо нервы рас[шатаны ?]...

...Сегодня возвратились стрельцы. Принесли снова очень печальные вести, что в Яремчанском районе погиб надрайонный референт пропаганды «ЕВГЕН», уроженец села Павловка, Станиславского района. Покойный окончил десятилетку в Станиславе, в ... году вступил в ОУН. Это человек идейный, честный и трудолюбивый. Свою молодую малоопытность на своем посту пополнял серьезностью и трудом. Вот так Надворнянский надрайон остался без надрайонного «провода». Члены этого «провода» — сотник «ХМАРА» и сотник «ДОВБУШ» из-за подлого большевистского обмана попали живыми в руки большевиков.

К этим печальным новостям я уже привык, но все же очень болезненно поразила весть... о московском нажиме, о жертве за жертвой... везде роют, ищут в лесах каждого украинского повстанца. Кто... останется в живых до весны..., тот подымет новых мстителей и потонет в собственной крови.

2 декабря 1951 года.

Писать дневник тогда, когда человек постоянно в движении, имеет много впечатлений, слышит много новостей... видит все собственными глазами — это легкая работа. Такой дневник... кто-то с

интересом прочтет. Но писать дневник в бункере, когда человек замураван — тяжелое дело. Этот дневник я взялся писать сейчас в такой обстановке, чтобы зафиксировать на бумаге хотя бы мысли, которые беспокоят украинского революционера...

...часа, а сколько времени проходит на размышления в потемках. Перед глазами возникают картины из пережитого прошлого, возникают дорогие образы семьи, односельчан, друзей и знакомых. Увижу ли я их когда-нибудь, поговорю ли я с ними по душам. Очень трудно дожидаться этой радостной минуты и живы ли они все. Не знаю где... сейчас мой дорогой сын... дорогая жена...

«ПРОМИНЬ», «ТИХИЙ»... «ЧУМАК», «СМЕЛЫЙ», «БОГДАН» и «ЗАХАР». Каждый представляет себе, что значит такой группе жить в таком тесном подземном бункере, к тому же плотно закрытому. Кроме того ежедневно варится два раза пища на примусах. Это даже нехорошо с точки зрения безопасности пребывания такой большой группы людей в одном бункере. Каждую минуту враг ходит огромными массами и может обнаружить бункер...

Каждый день три часа выделены на изложение, три часа на учебу, а остальные на чтение книг, приготовление пищи, слушание радио, свободные занятия и сон. Условия для учебы очень трудные. В бункере так душно, особенно когда готовится пища на примусах, что каждый день у нескольких человек болит голова. Но ничего... головы привыкнут, и перестанут болеть. Жаль, что... у Совета Генеральной Ассамблеи Организаций Объединенных Наций отбирают... здорово, думаю... Кому нужны эти бесконечные дискуссии. Что они хорошего насоветовали. Ничего... Значит умнее сделаете, если прекратите пустые разговоры с кремлевскими обманщиками, а хорошо закатите рукава и примитесь за расправу с теми..., которые скрыто и обманом готовят миру уничтожение...

Сталин... таким образом спасать... тиранию... перед... наивность. Уже... тирании...

Что больше всего меня радует — это... украинские дела за границей. Радуюсь каждому их успеху и шагу...

15 декабря 1951 года.

...Налаживаю радио... хотя бы услышать родную песню, но где там. Украинская песня в столице — очень редкое явление. Но зато, если покрутить радио можно услышать: «Говорит Москва»,

трансляция из Москвы, «Говорит Москва» трансляция из Москвы и т. д. Что только нужно Украине. Хочет Украина есть — слово... покормит, хочет... хочет...

16 декабря 1951 года.

Обстоятельства... очень трудные. У большинства болят головы от примусов, негде... спать..., жарко, нельзя дышать... Нет воздуха... Если бы сюда тех дипломатов запахнуть. Знали бы как оттягивать войну.

...Мир не даст свободы поработенному народу. Свободу можно добыть только в борьбе... по-доброму не даст... Настоящую свободу можно добыть только кровью...

17 декабря 1951 года.

Наши силы сильно поредели. Жестокий враг не только что не уменьшил своего нажима на нас, но еще более усилил его. Операции врага против нас дают нам еще больше чувствовать... Мы хорошо знаем... из этого, какие мы сильные для врага, если он столько энергии и средств расходует на то, чтобы избавиться от нас. Видно, что враг перечитал или вернее изучал нашу идеологию, если он боится нас. Он знает, что идеология — это наша правда, а не как их ложь. Наша идея должна помочь, а этого так не хотят московско-большевистские лгуны. Поэтому то они беснуются, вылазят из кожи, чтобы нас как можно скорее уничтожить. Но еще долго им придется этого ждать. Когда нас даже физически не станет, то останется крепкая идея, которая родит новых мстителей. Мы только гордимся тем, что враг точно знает с кем имеет дело и не решается легкомысленно относиться к нам. Наши ряды количественно уменьшились, но качественно возросли.

20 декабря 1951 года.

...заставляют нас днем спать, а ночью работать. Но мои расшатанные нервы не позволяют мне никак спать днем. Малейший стук или храпение будит меня. Светить лампу и работать нельзя днем. Слышен запах керосина, а враг роет, корчует леса, разыскивая бункера повстанцев. Следовательно лежу и обдумываю разные дела, иногда глупые мысли снуются в голове. Иногда голова такая забитая, что умная мысль даже не приходит. Если бы не эта беда,

можно было бы много умных вещей выдумать, потому что времени в бункере достаточно.

Сегодня мою мысль заняли мысли о нашей революционно-освободительной борьбе. Хотя может быть кое-кто из будущих критиков нашей борьбы будет осуждать ее, мол много жертв она потянула за собой. Но этим критикам отвечу кратко: «Свобода — это такое сокровище, что даже величайшие жертвы — не большие». В конце, если бы этих огромных жертв в действительности бы не было из-за самой нашей борьбы, то совершенно верно, что враг выискал бы другое средство, чтобы творить свои дела.

...Сознательное украинское население... знает чего хочет враг... уничтожить до корня... причину к этому... найдет себе даже и тогда, когда наша борьба прекратилась бы... Поэтому как бы не критиковал кто-то, когда-то или сейчас нашу борьбу, все же должен прийти к правильному выводу, что наша революционно-освободительная борьба ведется именно вовремя. Какую пользу принесла украинскому народу за эти несколько лет наша борьба очень хорошо изложил «ГОРНОВЫЙ» в своей брошюре «Итоги успехов нашей революционно-освободительной борьбы». Правда, есть много и недостатков в нашей революционно-освободительной борьбе, но к этому вопросу возвращусь в следующий раз.

21 декабря 1951 года.

Возможно ли это, чтобы человек в жизни не делал ошибок. Нет. Говорит наша народная поговорка, что только тот не делает ошибок, кто ничего не делает. Так обстоит дело с единицей. А если говорить об организации, в которой работает большое количество людей. Разве это возможно, чтобы она не делала ошибок. Также имеет свои ошибки и наша организация украинских националистов. Но за эти ошибки вообще... винить провод организации... какие ошибки провода... оправдывать. Почему... от 1939 года так... шли вперед так, что даже... политики не смогли представить. Не смог... изменений предвидеть и провод и организации. В конце-концов надо... еще, что ошибка является только тогда виной, когда сделана с умыслом.

Если человек сделает какую-то ошибку не желая, действуя только по доброй вере, тогда эта ошибка вообще не является виной.

Когда сравнить какие-то другие наши политические организации или политические партии, сколько они ошибок наделали то об организации украинских националистов можно было бы сказать, что она этих ошибок почти не имеет. А если еще принять во внимание тяжелые обстоятельства, в которых приходилось и приходится действовать, и еще то, что это подпольная организация, то в действительности можно только выразить проводу признательность за его мудрое руководство организацией в трудные времена.

Мне тяжело сегодня утверждать, какие именно ошибки сделал провод организации украинских националистов. Лучше всех эти ошибки когда-нибудь изложит будущий историк. В конце-концов мне, как члену организации, не так легко видеть ее ошибки. Если я затронул эту тему, то только потому, чтобы осветить вопрос. Если были организационные ошибки, то делали их..., а не провод. Провод... ошибку, когда позволял присоединять членов организации в 1941—44 г.г. В организацию пробралось тогда..., которым не место в ОУН. Эти самые... и безидейные люди... компрометировали организацию не раз своими поступками... со стороны провода было слишком слабо... ни за первое, ни за второе нельзя винить провод. Относительно массового приема членов в организацию, то в 1941 году кто мог детально сориентироваться, что политическая обстановка так сильно изменится.

Все руководящие члены организации были настроены на то, что нам скоро придется строить родной государственный аппарат, поэтому нужно будет для работы много рук. В конце-концов каждый из руководящих членов имел тогда надежду, что обстоятельства позволят воспитать этих несоответствующих лиц. Но обстоятельства сложились так для нас плохо, что этих людей не было времени и возможности перевоспитывать, или хотя бы хорошо присмотреться к ним. А среди этих лиц, негде правды деть, было немало и вражеской агентуры. Пока удалось очистить кадры организации от этой бесхарактерной гольтьбы, она сумела осуществить не одно преступное дело, разумеется под маркой организации.

...провод даже быстро при таких тяжелых обстоятельствах очистил ряды организации от... элемента. Что касается... провода над низовыми кадрами... я должен стать в защиту провода. Провод сделал все возможное в этом деле... Они... сквозь густые вражеские облавы и контактировались... кадрами... «Головой стены

не прошибешь». Кто знает большевистские условия, тот хорошо понимает, как тяжело, а очень и невозможно везде и всюду быть. Контролировать ежечасно кадры организации в большевистской действительности — это просто невозможно. Разумеется, даже и это невозможное преодолел провод, но не все в то время когда он хотел или этого требовало дело.

Но если рассмотреть, какую гигантскую работу проделала организация в таких нечеловеческих условиях, то эти ее недостатки померкнут, а то и совсем исчезнут.

22 декабря 1951 года.

Сегодня мои люди возвратились с территории и принесли известие, что на этих днях большевики арестовали в Надворной людей и священников, которые принимали участие в греко-католическом богослужении. Очень старых людей опричники освободили, а всех молодых и священников посадили на три автомашины и куда-то повезли. Украинский народ религиозный и хочет молиться. Он ищет утешения в своем тяжелом горе. Он жалеет за своей церковью, за своими настоящими священниками. Ему чужда эта вера, какую набросили ему... в большевистских церквях... нет хороших священников. ... «священниками», которых прислали большевики, являются... и состоят на службе в МГБ... настоящие энкаведисты... только деморализуют... Люди рассказывают... истории. Одни из них заходят пьяные. Есть случаи, когда большевистские выслужники прямо высмеивают религию. Среди них есть и такие «попы», которые в церквях насилуют женщин, а не исповедают, пристают к хорошим девушкам и молодым женщинам. Об одном таком ставленнике в церкви рассказывали люди, что во время богослужения сказал пономарю: «(нецензурное слово) на кадило, я помашу». Это еще не все преступления, которые допускают большевистское духовенство. Просто не хочется верить, что это правда, но к сожалению это горькая правда. Разумеется, это специальная работа большевистских антирелигиозных агитаторов. Посылая таких мерзких «духовников», хотят безбожники компрометировать христианскую церковь в глазах людей. Люди не могут примириться с такими «духовниками», поэтому ищут настоящих священников, которые еще остались верными своей родной отцовской церкви. Но чистое «ухо» наблюдает за

набожными христианами и за искренними христианскими священниками...

Есть очень много случаев, когда большевистские оперативники из МГБ расстреляли без суда или по-зверски замучили много сознательной украинской молодежи.

25 декабря 1951 года.

...пусть помнит мир, что если бы коммунистам удалось овладеть миром хотя бы на несколько месяцев, тогда бы пропало много завоеваний человечества...

28 декабря 1951 года.

Сегодня я услышал по радио, что в 1952 году в будущих выборах на президента Соединенных Штатов Америки хочет выдвинуть свою кандидатуру... демократ СТАССЕН и республиканский... Когда он станет президентом, то он обещает миру... а именно: он без войны уничтожит всемирный коммунизм. Гав, гав, благодетель СТАССЕН. Вы слишком зарпортовались. Очевидно, когда это слышал, то подмигнул усом и засмеялся... Да и в самом деле почему бы не засмеяться. От этого и лошадь бы засмеялась. На сколько же лет Вы рассчитываете свою жизнь, добродетель СТАССЕН. Очевидно собираетесь еще на 100 лет жизни. Можно. Я от всей души желаю Вам этого. Но помните, что этих ста лет мало, чтобы без войны ликвидировать коммунизм. Да не забывайте господин СТАССЕН еще и того, что за те 100 лет СТ[АЛИН ?]... может Вас повесить. Не уничтожить коммунизм без войны.

Если бы вы, господин СТАССЕН, знали хорошо большевистскую деятельность, то вероятно не выражались бы, как Филипп из конопель со своими словами. Помните, что мирового коммунизма не уничтожите до тех пор, пока не уничтожите оплота коммунизма — Советского Союза. А Советского Союза без войны и без соответственно поставленной пропаганды не разбить. Поэтому советую вам, благодетель СТАССЕН, не обманывайте своих избирателей и не обещайте груш на вербе. Лучше сделаете, если не хотите стать лгуном, если откровенно скажете своим избирателям: «Мы должны уничтожить большевистский коммунизм, но не пустыми словами, а оружием, ибо в противном случае он уничтожит нас и уничтожит всю человеческую культуру».

29 декабря 1951 года.

Всего только два дня отделяют нас от 1952 года. Интересно, что принесет нам 1952 год. Хорошо если бы в новом году прекратились эти глупые разговоры и дискуссии о мире. Какой это мир может быть в мире, если столько народов стонет в большевистском ярме. Мир в мире возможен только тогда, когда все народы будут свободны. А кремлевские... без войны не дадут свободы ни одному народу. Всякие дискуссии на эту тему с большевиками — это потеря времени и бумаги, порча нервов поработанных народов. Правда война несет с собой нищету и муки. Но кажется, жесточайшая война, не допечет так народы Советского Союза, как этот же сам Советский Союз. Поэтому все народы, поработанные, просят бога, чтобы в новом 1952 году дал им свободу, хотя бы ценой величайших жертв на поле боя.

30 декабря 1952 года.

В дневнике обычно излагается о событиях дня. Но о каких событиях писать здесь на несколько метров под землей, куда даже луч солнца не попадает. Летом есть о чем писать, потому что много приходится ходить по территории, встречаться с родными людьми, слышать много новостей, хотя они такие здесь болезненные, что лучше бы их не слышать. Вообще надо сидеть в бункере, ибо следы — это враг партизана. Кремлевские... не упустят ни одного подозрительного следа. Поэтому мой дневник собственно не является дневником, а обычной записью мыслей, которые не дают покоя ни днем, ни ночью. Но может быть когда-нибудь и эти мысли кому-нибудь будут интересны. Но дойдут ли они до чьих-либо рук в Советском Союзе — в этом меня никто не заверит.

31 декабря 1951 года.

Последний день 1951 года. Для украинского революционно-освободительного движения этот год самый трудный из всех предыдущих лет оккупации. В этом году враг сновался с жесточайшей своей дикостью. Против украинских повстанцев были проведены большие операции. Все села постоянно терроризировали большевистские боевики. Доступ повстанцев в села был очень затруднен. На каждом месте ожидали повстанцев большевистские засады. В этом году, как ни в одном перед этим, враг постоянно проводил огромные

облавы в селах, лесах, полях и горах. Особый нажим, разумеется, терроризированный и усиленный, делал враг на агентуру. Увеличенная до больших размеров агентура больше нанесла ударов украинскому революционно-освободительному движению, чем большевистские засады и массовые облавы. Где не было преступной агентуры, там враг не имел успехов.

...На Станиславщине... удалось обманом поймать исполняющего обязанности окружного проводника «КУРЯВУ», членов надрайона Надворнянщины — сотенного «ХМАРУ» и сотенного «ДОВБУША» и нескольких других руководящих людей. Этим мерзким способом большевикам удалось полностью ликвидировать организацию в Тлумачском и Станиславском надрайонах. Враг прилагал все усилия, чтобы поймать живыми командира «ГРОМА» и меня. Но это ему не удалось. Большевики прилагали все усилия, чтобы нарушить связи организации. Это им частично удавалось. Но руководящие кадры организации быстро налаживали нарушенную связь и перечеркивали планы врага. Пусть идет жестокий 1952 год...

10 января 1952 года.

Уже пятый день я лежу болен. Началось от зуба. Во рту вскочил чиряк больше куриного яйца. Стянуло все мускулы так, что рот раскрыть нельзя. Нельзя ничего есть. Часто бывает высокая температура. Нечем ее измерить. Корчусь от боли, но ничем не могу ее утолить. В бункере тесно, душно, полно пара от готовящейся пищи. Вот в таких условиях приходится болеть почти каждому украинскому революционеру. О врачах даже нет речи. Где их возьмешь, куда их заведешь. Каждый врач боится, потому что МГБ следит за каждым его движением. Но немало и таких врачей, которых использует МГБ, чтобы выследить повстанцев...

11 января 1952 года.

Моя болезнь продолжается дальше. Но терплю...

15 января 1952 года.

После болезни снова взялся за работу. Сегодня начал писать поэму «Мария». Что оно выйдет из этого увидим. Еще зима не прошла, а уже о весне думаю. Живой о живом думает. Как наладить

организационные связи со всеми округами этого края. Как наладить организационную работу. Вот такие мысли уже беспокоят мою голову. Есть над чем подумать. Это уже кончается восьмой год революционно-освободительной борьбы в большевистской действительности. Это не малый отрезок времени. Много старых революционеров погибло, а те, которые остались еще среди живых, не могут преодолеть таких больших трудностей и ослабить большевистский террор...

17 января 1952 года.

Смерть моей любимой маленькой дочурки стоит у меня перед глазами. Родилась моя Иринка (Христина — второе имя) 7 или 8 января 194__ в селе Викторов, Галицкого района. Это уже было при большевистской действительности.

Очень радуюсь всяким успехам нашей украинской эмиграции. Правда, их партийные междуусобицы выводят меня из равновесия, но зато радуюсь их культурным достижениям. Хорошо, что хоть где-то далеко на чужих землях сохранится украинская культура.

21 января 1952 года.

Сегодня в бункере потоп. Вода просочилась и приходится ходить по воде. С потолка течет за воротник. Некуда деваться, приходится накрываться... лезть из бункера. Это кажется неинтересно и о нем писать не стоит... Но это нельзя назвать приятным, когда зимой в подземном бункере течет вода поза обшивкой. Но повстанец твердо ко всяким невзгодам. Нищета, неудобства, голод, холод — это его постоянные товарищи. Поэтому этим не очень беспокоимся. Никто не потерял повстанческого юмора. Планируем, как устранить непрошенного гостя из нашего повстанческого дома. Верим, что это нам удастся. Уменьше справиться с несчастьем — это один из лучших друзей повстанцев.

22 января 1952 года.

Каждая политическая организация сильна и может рассчитывать на успех своей работы и борьбы, если она имеет опору в народных массах. Без этой опоры в народе политическая организация должна рано или поздно капитулировать перед врагом...

Почернеешь от одного страха. Помните, что земляная пещера может стать тебе в любую минуту могилой. Выйти отсюда живым, когда «ВАНЬКА» бросит в середину несколько гранат, почти невозможно. Но не думай, что только от страха потемнело было в глазах. Нет, здесь куда не глянешь везде темно. На потолке черная обивка. Она там должна быть, ибо с потолка льет, как из решета. А это не очень приятно, когда вода течет за ворот. Пол также черный. Воды хватает, но беда в том, что грязной воды после мойки некуда девать. Ну, а когда так обстоит дело с полом, то не лучше и с нашими лицами. Они сейчас также черные, грязи на них хоть руками сгребай. Но мы ничего не делаем. Придет весна, тогда помоемся. Только одна «МАРИЙКА» хлопочет, как бы немного помыться. Понятная вещь, как девушке быть грязной среди кавалеров...

Зато «Черная пещера» как раз подходит другу «МИСЬКУ». Но и его натура предпочитает какой-нибудь чердачек, чем «Черную пещеру». Казалось бы, что счастливей всех в «Черной пещере» чувствует себя друг «ПРОМИНЬ». Он все чепурит ее, маскирует, больше всех заботится о ней. Но у него тоже есть свое «но» — почки. Ах, эти почки. Из-за них лучше бы не сидеть в «Черной пещере».

Еще больше подходил бы к «Черной пещере» друг «ТИХИЙ». Он из нас самый черный. Но друг «ТИХИЙ» предпочитал бы сидеть в Черном лесу над селом Грабовкой, чем в «Черной пещере».

Подруга «МАРИЙКА» может быть и сидела бы в «Черной пещере», но она никак не может понять, как можно в одном бункере есть, спать... Друг «СМЕЛЫЙ»... «Кум Гичка» чувствовал...

Самый младший из нас наиболее чистый... говорит, как сам ВЫШИНСКИЙ на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. Если ему скажешь — не кури, это тебе вредно, то он упрямо доказывает: «Нет, это мне не вредно, потому что я с 10 лет курю». «Черную пещеру» он любил бы, если бы имел хоть какое-нибудь маленькое убежище, в котором можно было бы покурить.

Вот так-то все любят нашу «Черную пещеру», но предпочитали бы в ней не сидеть. Но это только так на полях записок для юмора. В действительности каждый из нас предпочитает «свою хату», чем чужую палату». Если бы только бог помог счастливо в ней

перезимовать, тогда каждый из нас приятно вспомнит нашу «Черную пещеру». Хотя она и черна своим видом, зато в ней дружеская атмосфера...

ПЕРЕВЕЛ: ОПЕРУПОЛНОМ[ОЧЕННЫЙ] ОТДЕЛА 2-Н УМГБ
С[ТАНИСЛАВСКОЙ] О[БЛАСТИ]
ЛЕЙТЕНАНТ (БЕЗДЕТКО)

СПРАВКА: Перевод произведен из обрывков дневника, принадлежавшего руководителю пропаганды Краевого провода ОУН «ГОМИНУ», ликвидированному при проведении чекистско-войсковой операции в лесном урочище Хубена Солотвинского района, Станиславской области 22 февраля 1952 года.

«ЕВГЕН» — ЗАСЛАВСКИЙ Богдан Семенович, 1928 года рождения — руководитель пропаганды Надворнянского надрайонного «провода» ОУН, убит 6.11.1951 года.

«ХМАРА» — МЕЛЬНИК Петр Васильевич, 1910 года рождения, организационный референт Станиславского окружного «провода» ОУН и руководитель Надворнянского надрайонного «провода» ОУН. Захвачен 15.8.1951 года.

«ДОВБУШ» — ГРИНИШАК Лука Михайлович 1918 года рождения, руководитель Надворнянского надрайонного «провода» ОУН. 15 сентября 1951 года был захвачен живым. 3 января 1952 года при проведении чекистско-войсковой операции бежал и снова перешел на нелегальное положение.

«ПРОМИНЬ» — МАРКОВЕЦКИЙ Юрий Степанович, руководитель кустовой ОУН в Солотвинском районе.

«ТИХИЙ» — по имени Иван, 1923 года рождения, других установочных данных нет. Охранник «ГОМИНА».

«ЧУМАК» — ФИСЮК Михаил Петрович, 1928 года рождения, участник кустовой ОУН в Солотвинском районе. Убит 22.2.52 г.

«СМЕЛЫЙ» — уроженец села Подпечеры, Станиславского района и области, других установочных данных нет. Участник личной охраны «ГОМИНА». Убит 22.2.52 г.

«МАРИЙКА» — СВИДРУК Марта Ивановна, 1928 года рождения, уроженка гор. Надворная, Станиславской области, положение в ОУН не установлено. Убита 22.2.52 года.

«ГРОМ» — ТВЕРДОХЛЕБ Николай Дмитриевич, 1911 года рождения, уроженец с. Петрилов, Тлумачского района, руководитель Карпатского Краевого «провода» ОУН.

«КУРЯВА» — ИВАНИШИН Петр Михайлович, 1923 года рождения, руководитель Станиславского окружного «провода» ОУН. Захвачен живым 19 августа 1951 года.

ОПЕРУПОЛН[ОМОЧЕННЫЙ] ОТДЕЛА 2-Н УМГБ
С[ТАНИСЛАВСКОЙ] О[БЛАСТИ]
ЛЕЙТЕНАНТ

(БЕЗДЕТКО)

«29» февраля 1952 г.
гор. Станислав.

ГДА СБУ. — Ф. 2. — Оп. 110 (1951). — Спр. 8. — Арк. 152—164.
Копія. Машинопис.

Богдан Галайко

СИТУАЦІЯ НА ПОЛЬСЬКО-ЧЕХОСЛОВАЦЬКОМУ ПРИКОРДОННІ У 1938 Р. КРІЗЬ ПРИЗМУ ДІЯЛЬНОСТІ ПОЛЬСЬКОЇ ПРИКОРДОННОЇ ОХОРОНИ

Українські землі після поразки національно-визвольних змагань 1917—1921 рр. опинились у складі держав-сусідів. Зокрема, до Польщі ввійшли Галичина та Волинь, до Чехословаччини — Закарпаття, до Румунії — Північна Буковина. Однак українці, хоч і були поділені кордонами, все ж підтримували між собою зв'язки.

У 1930-х рр. у Європі відбулися значні політичні зміни (встановлення диктаторських режимів, мілітаризація суспільства, територіальні претензії, зростання загрози нової світової війни тощо). Анексія Австрії 12 березня 1938 р. різко змінила співвідношення сил у Європі на користь Німеччини і значно ускладнила міжнародне становище Чехословаччини, а Мюнхенська конференція 29—30 вересня 1938 р. засвідчила початок її розпаду.

Поряд з тим, наприкінці 1930-х рр. зросла напруженість у стосунках Польщі й Чехословаччини. Важливим моментом цієї напруги було відмінне ставлення обох держав до українського питання. Чеська влада була лояльною щодо українців, тоді як польська держава проводила політику сильної руки та асиміляції (обмеження вжитку української мови в урядових установах, нищення українського шкільництва через реалізацію шкільної реформи, дискримінація українців при прийомі на роботу, антиукраїнська осадницька політика, пацифікація, плюндрування українських святинь, забора напередплачувати певні закордонні українські видання, цензура на українські видання в Польщі¹ тощо).

¹ Айненкель А. Політика Польщі стосовно українців у міжвоєнний період // Незалежний культурологічний часопис «І». — Львів, 2003. — № 28. — С. 57—75; Кисзерера М. *Polityka narodowościowa Drugiej Rzeczypospolitej wobec Ukraińców w latach 1919-1939* // *Polska — Ukraina: trudne pytania*. Т. 1—2. — Warszawa, 1998. С. 29—47; Центральний державний